

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВА БЫТИЯ РОССИИ» Г. МОСКВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Школа философии 25–26 апреля 2019 г.

Обзор

В самом названии научной конференции поднята, как представляется организаторам — сотрудникам Лаборатории русско-европейского диалога, — важнейшая проблема для России на сегодня. Она видится значительно более серьезной, чем вопросы политико-экономические, выглядящие в данном контексте как производные: **язык, на котором говорит и думает нация, оформляя свою идентичность для самой себя, оказывается источником понятий, которыми эта нация оперирует, выстраивая диалог со всем остальным миром.** На вопрос, кто мы такие, мы отвечаем по-русски, и поэтому современное состояние языка, испытывающего на себе мощное воздействие глобальных изменений в обществе как российском, так и мировом, должно быть, во всяком случае, зафиксировано и осмыслено.

Сразу надо отметить, что доклады, зачитанные участниками, зачастую перекликались друг с другом, расширяя и углубляя проблемное поле конференции. В частности, целый ряд докладчиков так или иначе затрагивал вопрос о качествах и свойствах русского языка для философского — и как использующегося в процессе литературного или филологического мышления и построения соответствующих текстов. Несмотря на кажущуюся «сложность» философского дискурса, связанную в первую очередь со своеобразием грамматических конструкций, призванных выразить тончайшие оттенки мысли, все же он, по мнению большинства, является значимым в большей степени, поскольку описывает онтологические основы национального бытия. Литература же и в широком смысле филология сконцентрированы на воссоздании уникальных ситуаций. Крайне важно, что тот же А. С. Пушкин, чье имя для нас фактически стало метонимическим обозначением национального языка в целом, не знал его с детства: он говорил и даже поначалу писал по-французски, а русский просто учил «как иностранный». Взгляд со стороны и позиция, практические действия «постороннего» позволили ему осуществить сдвиг в области поэтического и, значит, на следующем этапе — нормативного общелитературного языка. В целом делается даже предположение, что исторически наше наречие во многом создано билингвами или людьми, знакомыми с несколькими иностранными языками.

Постановка проблемы прозвучала во вступительном слове *В. К. Кантора* «Русский язык, или Русская крепость» (см. рубрику «От редактора» в наст. вы-

пуске). Анализируя историко-культурную ситуацию XVII–XX вв. и ее влияние на формирование русского языка, Кантор опирался на пушкинское понимание данного процесса как основного фактора становления культурной нации, **самостоянья человека** и народа. В результате Россия, как подчеркнул докладчик, стала страной **слова**.

О том состоянии, в котором находится национальный язык с точки зрения терминологии, говорилось в двухчастном докладе *Б. И. Пружинина, И. О. Щедриной и Т. Г. Щедриной* «I. Язык русской науки как гуманитарный феномен. II. Язык русской “Феноменологии духа” Гегеля, или Как издавали перевод Г. Г. Шпета». Докладчики констатировали, что в советское время с языком перевода философских произведений дело обстояло весьма непросто. Сохранившаяся редакция «Феноменологии духа» Гегеля, переведенной Густавом Шпетом, наглядно показывает, как был изменен перевод и как важные и для Гегеля, и для Шпета понятия искажались издательскими редакторами до неузнаваемости, что вело за собой деформацию смысла всего произведения, но зато Гегель получался «марксистом». Так, например, опорное гегелевское понятие «сама вещь» или «чистая подлинная вещь» (как и переведено Шпетом) получило в результате редакторской правки языковое выражение «суть дела», совершенно снимающее терминологичность словосочетания и нарушающее традицию от Гегеля до Гуссерля. В настоящее время Пружинин и Щедрины заняты восстановлением шпетовской редакции перевода Гегеля. Задача сейчас — вернуть все шпетовские варианты вплоть до грамматических форм, то есть фактически восстановить традицию гегелеведения в России. Работа над переводом Гегеля, сделанным Шпетом, важна в контексте обоснования подхода к изучению Гегеля как феноменолога, поэтому прояснение терминологии особенно важно. Кстати говоря, в прениях прозвучала информация о том, что и переводы сочинений Аристотеля также серьезно «осовечивались», так что перед русской философией на сегодняшний день стоит и задача возвращения русской культуре эллинского, а не советско-эллинского философа. Так, например, слово «μίμησις» следует понимать и переводить не как «**подражание**», а как «**модель**».

С. С. Бычков, выступивший с докладом «Сохрани мою речь навсегда», также придерживается воззрения на язык как силу, идентифицирующую нацию. Докладчик подчеркнул: согласно древним верованиям, если человек меняет имя, то меняется и его сущность. Соответственно, если меняется язык народа, то и сущность его не остается прежней, нация отражается в том, как говорит и пишет, и ее первичная репрезентация — лингвистическая. Надо также помнить, что каждый национальный язык участвует в созидании ноосферы, общей для всего человечества. Таким образом, обогащая родное наречие, каждая нация способствует и обогащению мировой культуры, на состоянии которой соот-

ветственно отражается и деградация отдельного народа. Таким образом русские эмигранты первой и второй волн, сохраняя в новом месте проживания русский язык и культуру, способствовали умножению общечеловеческих ценностей, чего не скажешь о современной экономической эмиграции, не заинтересованной в общем культурном развитии человечества, преследующей лишь цели личного обогащения и обретения комфорта. С развалом СССР, когда русский язык перестал быть общегосударственным и начал изгоняться из бывших союзных республик, наметилась аналогичная тенденция, которую Бычков квалифицировал как опасную. В результате, подчеркнул он, сегодня русская нация является разделенной как географически, так и культурно. Пример ситуации, когда русский писатель-эмигрант сохранял собственную идентичность, обращаясь к творчеству Пушкина, дан в докладе О. А. Жуковой «Путь к Пушкину. Ариадна Тыркова-Вильямс». Вместе с тем, как явствует уже из названия доклада Р. Темпеста «Зыбкий Пушкин, или Почему “народная тропа” не пересекла границу Империи, Союза или Федерации», русский культ Пушкина непонятен западному читателю, который, в отличие от отечественного, четко осознает условность литературы. Вместе с тем в 1937 г., когда отмечалось столетие гибели Пушкина, для представителей русской нации, оставшихся в СССР и эмигрировавших, его имя и творчество стали предметом ожесточенного спора: его «принадлежность» к тому или другому лагерю определяла правомерность доминирования одного из двух миров. Об этом шла речь в докладе А. А. Карамурзы «“Язык Пушкина” как основа идентичности русской пореволюционной эмиграции». В свою очередь, А. Е. Аркатова утверждала, что в пушкинском творчестве содержится ресурс и для описания позднейших событий истории СССР — этот тезис она доказывала в докладе «“Свободная стихия” и “неправдоподобный тритон”»: провидческие метафоры Пушкина о ГУЛАГе».

Полемично по отношению к позиции В. К. Кантора и С. С. Бычкова прозвучало мнение А. М. Мелихова, с которого он начал доклад «“Борьба за языки” в процессе государственного строительства стран Восточной Европы, Израиля и Кореи». «Точно ли языку принадлежит идентифицирующая роль?» — с таким вопросом писатель обратился к аудитории, аргументировав свое предположение историей перехода евреев с идиша на иврит при образовании государства Израиль. Следом Мелихов предложил свой вариант ответа: национальную идентичность обеспечивает не язык, а «общий запас воодушевляющего вранья». Это словосочетание — из его романа «Исповедь еврея» (2004). Не язык скрепил американскую нацию, а процедура демократических выборов. В сходном ключе видит проблему и М. А. Колеров, в докладе «Государство и язык» заявивший о том, что язык перестал быть определяющим принципом национальности: сегодня ее определяет государственность. Связь между крепкой

государственностью и развитием языка усматривал В. И. Ламанский, который, согласно положениям доклада А. В. Малинова «Язык в цивилизационной концепции В. И. Ламанского», имел в виду, что государство может развивать литературу и науку, но не навязывать язык.

Что касается обновления языка русской науки, то, как показал И. И. Павлов в докладе «Владимир Бибихин: философия на русском языке», оно вполне осуществимо в настоящее время. Философия Владимира Бибихина, выросшая, казалось бы, на неплодородной советской почве, является примером свободного мышления с параллельным выработыванием терминологии, соответствующей конкретной задаче мышления во времени. Так, ситуацию 1990-х гг. Бибихин предлагал рассматривать в терминах «Собственность», «Пора» и «Лес», являющихся, казалось бы, обычными словами, однако обретшими в философии Бибихина знаковую природу.

Состояние русского языка важно не только для философской и иной научной терминологии: даже русская музыка, как показала Т. Ю. Сидорина в докладе «Русский язык как основа музыкальной культуры России. “Вокализ” С. Рахманинова», строилась на осевой линии — литературе, и такие композиторы, как Рахманинов, в этом направлении искали путей создания отечественной музыкальной идентичности под общим знаменателем «я русский композитор». Мысль о том, что язык — цель в самом себе, подтверждалась в целом ряде выступлений, посвященных как общим, так и, казалось бы, частным вопросам.

Мысль о том, что язык — цель в самом себе, но работает он в открытом пространстве культуры, подтверждалась в целом ряде выступлений. Так, М. С. Киселёва в докладе «Русский язык “извне” и “изнутри”» изложила понимание истории его развития в отечественной культуре в зависимости от состояния социума, подчеркнув: любые кардинальные изменения в обществе вели к явным или скрытым преобразованиям в области языка. Концепт «языковая ситуация», с одной стороны, показывает зависимость языка от влияний на него «извне», а с другой, формирует языковые запросы в культуру, прежде всего в ее образовательный сегмент. Б. А. Успенский в конце прошлого века разработал оппозицию языковых ситуаций диглоссии и двуязычия как общую характеристику социокультурного бытования языков. Принятие христианства привело на Древнюю Русь книжность на церковнославянском языке (не греческом!), открывшем культуре контакты с «внешним» полем письменного книжного кодифицированного славянского языка Кирилла и Мефодия. В. М. Живов писал о разных «регистрах» письменного языка русского средневековья. Важно понять, что демаркация устного и письменного имела социокультурные последствия. Устный, разговорный язык — то, что работало в коммуникации «изнутри» — не был кодифицирован (пример берестяных грамот Новгорода —

уникален); взаимных переводов между ним и книжным не было, следовательно, двуязычие отсутствовало. Однако люди, не владевшие письмом, понимали то, что слышали в церкви (например, пение литургии). Следствие этой ситуации — отсутствие на Руси системы образования до XVII в., ибо языковая ситуация диглоссии не создала такой социальный запрос. Книжность выполняла также и образовательную функцию. Чтению учились по Псалтырю, запоминали церковные службы со слуха. Древнерусская книжность взаимодействовала с устным языком «изнутри», как и со старославянскими влияниями «извне». Европа в языковом отношении развивалась иначе. Двуязычие — норма говорящих на разных языках народов: богослужение и письменные тексты создавались на латыни, языке *docti*, ученых людей (сначала монастырские школы, а затем университеты в городах); право (как светское, так и церковное) также существовало на латыни. Выход из ситуации диглоссии способствовал появлению образовательных учреждений как системы в культуре, а затем и реформе алфавита Петром I. Последующая полемика XVIII в. о русском литературном языке повторяла во многом беседы итальянских гуманистов XVI в. о «двух языках». Разговор о сегодняшней языковой ситуации ведут лингвисты, включая такие концепты, как «постграмматическое» время языка. Традиции сбережения русского языка стали заботой ученых, о чем свидетельствует масштабный проект «корпусной лингвистики», а также, например, личное участие писателя (А. И. Солженицын, «Русский словарь языкового расширения») с его вниманием к русскому устному языку «изнутри».

В аналогичном ключе рассматривал предмет изучения Х. Куссе в видеодокладе «О Ломоносовской риторике 1748 года». На ту же «внутреннюю» потребность языка в развитии, конкретнее — в выделении образной составляющей, указала А. Ю. Большакова в докладе «Слово и образ: к истокам языка русской литературы». Автор анализировала способы образного употребления отдельных лексем в «Слове о полку Игореве» и пришла к выводу, что все они легли в основу множества архетипов, питающих отечественную культуру до сей поры.

Дискуссия на тему современного состояния языка всегда проходила — так было, например, в 1810-х, в годы противостояния литературных обществ «Арзамас» и «Беседа любителей русского слова», и в других случаях — между носителями полярных точек зрения, которые можно вслед за Ю. Н. Тыняновым охарактеризовать как «архаичную» («охранительную») и «реформаторскую» («новаторскую»). Нельзя исключать ни одну, поскольку уничтожится само поле диалога. Г. С. Померанц, подчеркивая продуктивность обеих в культуре, как-то сказал, что «архаисты» считали, что язык слишком быстро обновляется, а «новаторы» — что слишком медленно разрушается... И если в точках зрения В. К. Кантора и А. М. Мелихова усматривается полярность, то это показывает,

что у науки есть потенциал для оценки явления с разных позиций, а значит — комплексно и объективно.

«Охранительная» тенденция проявилась и в докладе *А. П. Козырева* «Практическое имяславие о. Сергия Булгакова. Язык как зеркало социальных изменений». Автор обратился к идее языковой реформы, сегодня витающей в воздухе, и вспомнил реформу 1912–1918 гг., многими деятелями культуры воспринятую как антинародная: так, *М. М. Пришвин*, например, утверждал, что, отвергая букву «ять», русский человек отвергает правописание в целом. Так и сегодня, даже перестав использовать при печати букву «ё», мы искажаем картину живой речи, поскольку перестаем, например, правильно читать стихи. Творчество Булгакова было рассмотрено также в докладе «Духовный опыт русских писателей: *С. Н. Булгаков*» *И. Ю. Ильина*, анализировавшего взгляды философа на русскую литературу в свете его оценки религиозных воззрений выдающихся представителей национальной словесности. Для Булгакова-литературоведа было характерно рассмотрение произведений отечественной словесности в мировоззренческом ключе. Философ размышлял о разворачивавшемся в душе каждого писателя конфликте художественного и религиозного начал и подчеркивал, что в национальной литературе этическое доминирует над эстетическим, а главное ее занятие — постановка и решение моральных проблем, причем на Западе этим предметом традиционно занята собственно философия. Главенство этики вытекает из национальных черт русского человека (в полной мере присущих и отечественным писателям), который привык задаваться метафизическими вопросами. Отсюда и внимание, уделяемое русскими писателями метафизике, а также выражение их собственных духовных исканий устами их героев. Однако нельзя забывать об эстетической функции русского языка в контексте общекультурного развития, о чем напомнила *Ю. В. Клепикова-Бабич* в докладе «*Георгий Федотов об эстетике русского языка и национальной культуры*».

Среди сквозных тем конференции надо упомянуть «имяславие» — религиозное движение начала XX в., зародившееся среди афонских монахов. Основным богословским положением имяславия, или имябожия, стало незримое присутствие Бога в Божественных именах. В 1913 г. имяславие было осуждено Святейшим правительствующим синодом как еретическое, а его очаг уничтожен правительством с применением силовых методов. Меж тем идея «слова как плоти» поэта *Осипа Мандельштама*, также многократно упомянутого на конференции и ставшего одной из символических фигур, явно происходит от этого мистического течения православия. В связи с Мандельштамом нельзя не вспомнить одного из его учителей, *Вяч. И. Иванова*, что и было сделано в докладе *А. А. Дорониной* «Сопричастность древности: стихия языка Вяч. И. Иванова», считав-

шего, что язык — это «собственный Логос» народа. Славянское возрождение, с его точки зрения, это возрождение Античности, и эллинская древность могла бы ожить на почве русского языка. Еще одна сквозная тема — творчество поэтов-футуристов, современных Мандельштаму и Иванову; труды последнего позволяют считать их работой непосредственно с языковой **стихией**, проявляющейся посредством звуков речи. Был ли футуристический языковой эксперимент пустым фиглярством, как считают некоторые ученые, или все же футуристы нащупывали темную первостихию слова, высвобождая его скрытую энергию? *А. П. Козырев* придерживается второй точки зрения, однако в его докладе футуристический эксперимент недаром соседствовал с упоминанием речевой ситуации 1918 г., когда многими мемуаристами была зафиксирована острая вспышка употребления обценной лексики.

Отчасти полемично по отношению к «охранительной» точке зрения прозвучал доклад *В. В. Калмыковой* «Сдркрч, или Еще раз об эллинистической природе русского языка». Докладчица не разделяет опасений большинства специалистов, что общее падение грамотности вкупе с большим количеством заимствований из английского (лексика, связанная с обслуживанием виртуальной, спортивной и др. реальности, пришедшая к нам вместе с реалиями, зародившимися за рубежом) является деструктивной тенденцией эпохи: падение грамотности как центробежное начало наблюдалось всегда и всегда компенсировалось центростремительным вектором, а заимствования, во-первых, описывают инокультурные реалии, а во-вторых, усваиваются по законам русской грамматики. Гораздо большее опасение вызывает у *В. В. Калмыковой* распространение «птичьего языка» в области отечественной гуманитарной терминологии (по материалам *С. И. Чуприна*), в частности, основанного на макаронической лексике, затрудняющее описание объекта литературоведения и критики, а именно литературных произведений. В результате литературоведение и критика утрачивают возможность выполнять свою задачу — служить мостом между произведением и читателем. Однако точка зрения, согласно которой макароническая лексика всегда является средством передать иронию или свидетельствует о бедности лексикона, неправомерна: в докладе *В. Жобер* «Взгляд французской русистики — русский язык как основа моего собственного бытия» приводились примеры использования макаронической лексики в письмах русских родственников докладчицы, представителей первой волны эмиграции, и во всех случаях это сделано с целью добавить в письменное сообщение оттенок значения или смысла, отсутствующий в конкретной лексеме или в устойчивом словосочетании в русском или во французском. *В. Жобер* привела множество примеров взаимного обогащения обоих языков и подчеркнула, что франкоязычный исследователь по-прежнему может изучать Россию

по ее литературе с учетом высокого потенциала деривации в русском. В любом случае, основываясь на письмах, *В. Жобер* затронула одну из коренных в европейской культуре русскоистско-бахтинскую проблему Другого — в данном случае это язык, из которого используются макаронические вставки. Однако в науке Другой преимущественно понимается как субъект, как человек, и такой фигуре был посвящен доклад *К. А. Баршта* «Эпистолярный жанр в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского». Докладчик анализировал эпистолярные письма писателя к его брату, *М. М. Достоевскому*, и подчеркнул, что природа диалогизма в романах Достоевского имеет истоком их переписку, в которой будущий автор адресовался к Другому и рассчитывал на его понимание, со своей стороны ища средств, чтобы быть понятым. Будущий романист получил идеального читателя и идеальную коммуникативную практику. На основе анализа этой переписки *К. А. Баршт* сделал вывод, что в XIX в. эпистолярный жанр способствовал консолидации общества, развитию письменной речи и, соответственно, росту уровня культуры.

Что же сегодня заменяет личную почтовую переписку? Как известно, общение в социальных сетях. Анализ этого феномена посвящен доклад *В. А. Пищальниковой* «Трансформация знака и значения в массмедиа как когнитивная проблема». Общение зачастую сводится к обмену готовыми знаками, и в их распространении докладчица видит ответ на вопрос, почему подавляющее большинство сегодняшних российских студентов не имеет навыков анализа информации и с трудом этому учится. Мем как единица информации способен изменить когнитивную структуру, которая фиксируется в нейронных связях. Соответственно, восприятие готовых знаковых единиц, не предполагающих анализа, а рассчитанных на идентичное воспроизведение в дальнейшем, способно повлиять на способ мышления на несколько поколений вперед. Мем не создает новой устойчивой когнитивной структуры, по сути, он противоположен языковому знаку. Той же цели — разрушить привычный познавательный стереотип и операции речемыслительной деятельности — служат и так называемые **фейковые новости**. В целом цифровая среда агрессивна и основана на семантическом калькировании, что не способствует развитию самостоятельного мышления. В ходе лабораторных исследований, в том числе и томографических, установлено, что это гибель для мозга.

Согласно объективной оценке *В. А. Тишкова*, приведенного в докладе «Язык нации» множество статистических данных, собранных в ходе полевых социолингвистических исследований, русский язык по-прежнему остается доминирующим на территории Российской Федерации, и другие народы зачастую обнаруживают тенденцию к ассимиляции. *В. А. Тишков* подчеркнул, что язык близок этничности, но не тождествен ей. После распада СССР образовалась

масса проблем в области взаимодействия языка титульной нации того или иного субъекта федерации внутри РФ, и они постепенно решаются вполне мирным путем, хотя сложностей много: на сегодняшний день ни один народный язык не потерян. Связь эмоционального состояния со словесным выражением лучше всего передается и даже фиксируется в кинематографе, что и подчеркнул К. Э. Разлогов в докладе «Русский язык в киноискусстве».

В XX в. русский язык являлся языком империи — сначала Российской, а затем СССР, и на нем соответственно выражалось имперское содержание. О статусе русского языка в «Оправдании добра» (1897) говорил В. С. Соловьев, и концептуализации его идей в этой области был посвящен доклад *Е. В. Бессчетновой* «Вл. С. Соловьев: русский язык как язык Империи». Докладчица подчеркнула, что Соловьев последовательно выступал против насильственного обрусения народов и боролся против русофильской политики Александра III. Мыслитель, развивавший идею Всеединства в русле русской религиозной философии, был уверен, что слово свидетельствует об истине, и такое свидетельство есть предназначение языка, а различие языков не мешает стремлению к единству. Соловьев выступал против искусственного смешения языков и желал, чтобы «малые народы» империи могли читать Пушкина на своих наречиях. Истинное бытие России он полагал в многоголосье всех ее народов. Во второй по порядку империи, то есть СССР, появились свои обертоны, обозначенные в докладе *С. С. Шаулова* «Россия и русский язык: постклассическое решение темы в поэзии А. Н. Башлачева». Так, известный рок-певец был выходцем из номенклатурной советской среды, вызывавшей у него отторжение, и языковые приемы его поэзии передавали его отношение ко всему советскому.

Можно констатировать, что установившаяся на конференции атмосфера диалога во многом способствовала освещению темы современного состояния языка с разных сторон, тем более к работе были привлечены представители разных областей гуманитарного знания — от философов до лингвистов. Редакция журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог» планирует до конца 2019 г. опубликовать часть материалов в виде докладов, другую часть — в виде тезисов, тем самым предоставляя гуманитарному сообществу возможность ознакомиться с ними и включиться в работу будущих конференций.

От редакции